Л. В. ГЕРАСИМОВА

ЭПИТЕТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КАРАМЗИНА

Наиболее многочисленными из зрительных эпитетов в произведениях Карамзина являются цветовые эпитеты. Современная литература располагает весьма внушительным количеством эпитетов, передающих цветовые впечатления. Однако долгое время многие языки обладали довольно скудным запасом цветовых эпитетов, что обусловливало невозможность словесной передачи всего многообразия цветовой гаммы в природе.

В ранней поэзии долго господствовали лишь три цвета — красный, черный и белый. В языке совершенно отсутствовали слова, выражающие впечатления от цветов короткой световой волны (зеленый, синий). В работе «В мастерской художника слова» А. И. Белецкий указывает, что в поэмах Гомера мы не найдем специальных обозначений для синего и зеленого цветов. В качестве универсального здесь выступает красный (пурпуровый) цвет, в который окрашены и облака, и кровь, и одежда, и радуга, и даже морские волны.[1] Этот своеобразный дальтонизм в литературе объясняется неумением сказать о цветовом богатстве мира. Накопление цветовых эпитетов — процесс довольно длительный. Еще в начале XVIII в. русская литература стояла на одной из низших ступеней той лестницы, которая ведет к совершенству передачи цветовых впечатлений. Поистине гигантским шагом в развитии русского цветового эпитета явилось творчество Державина, у которого появилось множество новых красочных эпитетов. Совершенно очевидно, что язык Державина более насыщен разнообразными цветовыми эпитетами, чем язык Карамзина. Однако и в произведениях Карамзина мы встречаемся с более интенсивным употреблением цве-

---

[1] А. И. Белецкий, Избранные труды по теории литературы. Изд. «Просвещение», М., 1964, стр. 194.

товых эпитетов, нежели у его предшественников, литераторов русского классицизма. При этом следует обратить внимание и на тот факт, что характер употребления этой группы эпитетов у Карамзина отличен от державинского. Карамзин сосредоточивает свое внимание не на внешнем мире, мире природы, а на внутреннем мире живой человеческой души. Пейзаж, картины природы, при создании которых наиболее часто употребимы цветовые эпитеты, для Карамзина не главное; они занимают подчиненное положение. Зарисовки внешнего мира помогают автору раскрыть чувства героя, исполняя роль фона, гармонически сливающегося с его настроениями и чувствами.

Так, в повести «Сиерра-Морена», стремясь достигнуть большей выразительности при описании той зловещей, демонической бури чувств, которая охватила героя под влиянием его любви к прекрасной Эльвире, Карамзин вводит в повествование пейзаж, который находится в полном соответствии с душевным состоянием героя: «...*темная* ночь..., *багряные* молнии, вьющиеся на *черном* небе»; или: «*бледная* луна, над *седыми* облаками восходящая...».[2]

Совершенно иной подбор цветовых эпитетов находим мы в повести «Бедная Лиза» при описании чувств Лизы, впервые познавшей счастье любви. Из-под пера писателя появляются легкие, радостные, праздничные краски, переданные эпитетами *белый, лазоревый, голубой, зеленый.*

И далее в «Письмах русского путешественника», рассказывая историю печальной любви и гибели прекрасного итальянца Фальдони и юной Терезы, Карамзин, стремясь к максимальной эмоциональности и экспрессивности описания, к максимально точной передаче возвышенного душевного порыва, охватившего героев в момент их смерти, вводит эпитеты (*белый, розовый, алый, бледный*), подчеркивающие чистоту и необыкновенность чувств молодых людей, юность и красоту Терезы, контрастирующие с драматизмом ситуации: «Недалеко от Лиона, в каштановой роще, построен сельский храм, богу милосердия посвященный и рукою готического искусства украшенный; туда пришел *бледный* Фальдони и ожидал Терезы. Скоро явилась она во всем сиянии красоты своей, в *белом* кисейном платье, которое шито было к свадьбе, и с *розовым* венком на *темнорусых* волосах. Любовники упали пред алтарем на колени и — приставили к сердцам своим пистолеты, обвитые *алыми* лен-

[2] Н. М. Карамзин, Избранные произведения, т. I. Изд. «Художественная литература», М.—Л., 1964, стр. 675. — В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

тами; взглянули друг на друга — поцеловались, и сей огненный поцелуй был знáком смерти — выстрел раздался, — они упали, обнимая друг друга, и кровь их смешалась на мраморном помосте» (I, 358).

При создании портретов литературных героев у Карамзина заметно постоянство эпитетов, передающих цвет глаз, волос, рук. Так, очень часты в портретных зарисовках эпитеты *голубой, русый, белый, лилейный*. Несомненно, постоянство это определяется представлениями Карамзина-сентименталиста об идеальной красоте, соответствующими идеалу эпохи. Героини писателя, как правило, *голубоглазы, русоволосы*, обладают необычайной белизны и нежности (*лилейными*) руками и плечами.

Цветовые эпитеты Карамзина, употребляемые в прозаических произведениях в сочетании с другими художественными средствами, придают повествованию особую поэтичность, делают прозу необычайно гармонической — «цветной», по выражению самого автора. Вот небольшой образец такой «цветной» прозы, взятый из повести «Остров Борнгольм»: «*Алая* заря не угасла еще на *светлом* небе, *розовый* свет ее сыпался на *белые* граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка» (I, 666).

Немаловажную роль играют цветовые эпитеты и в стихотворных произведениях Карамзина, где наиболее часто встречаются следующие: *черный, белый, алый, желтый, лазоревый, голубой, зеленый, розовый, багряный*.

В контексте все эти эпитеты не просто указывают на наличие какого-либо качества у предмета. Они несут в себе оттенки настроений, эмоций, участвуют в построении лирической канвы всего произведения. Обратимся к примерам.

Все томится, унывает;
Зелень в поле увядает;
Сохнет травка и цветок —
Нежный ландыш, василек
Пылью *серою* покрыты, —
Не питает их роса.

(Молитва о дожде) [3]

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья. . .

(79, Осень)

[3] Н. М. Карамзин. Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта». Большая серия. М.—Л., 1966, стр. 123. — Далее при стихотворных цитатах указываются страницы этого издания.

Богини милые, благословите сей
Свободный плод моих часов уединенных...
С улыбкою любви, небесные, примите,
Что вам дарит любовь; улыбкой освятите
Сплетенный мной венок из *белых* тубероз,
Из свежих ландышей, из южных *алых* роз...

(117, Приношение грациям)

Зрительные представления человека очень тесно сплетаются с представлениями о форме, размере, движении, с представлениями акустическими.

Эпитетов, основанных на слуховых впечатлениях, у Карамзина меньше, нежели эпитетов зрительных. Вот основные из них: *звучный, журчащий, глухой, шумный, тихий*. Еще менее обильно представлены эпитеты осязательные (*сырой, сухой, влажный*). Часто эпитеты этой группы употребляются для передачи термических ощущений (*хладный, прохладный, теплый, жаркий*).

Наименьшей степенью употребимости отличаются эпитеты вкусовые и обонятельные. Впечатления, получаемые от этих ощущений, очень трудно поддаются словесному выражению и зачастую передаются опосредованно. У Карамзина мы встречаем эпитеты *сладкий, горький, благовонный, ароматный, душистый, вонючий*. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих употребление Карамзиным эпитетов слуховых, осязательных, вкусовых и обонятельных.

Звучное эхо повторяло шум водопадов, который раздавался между высоких утесов Сиерры-Морены, в ее глубоких расселинах и долинах.

(I, 675; Сиерра-Морена)

...с *тихим* журчаньем стремится
Чистый ручей по зеленому лугу,
Душу мою призывая
К сладкой дремоте покоя.

(100, К Прекрасной)

Зефир *прохладный* веет,
И, Флору оставляя,
Зефир со мной играет,
Меня утешить хочет.

(68, Анакреонтические стихи)

Ах! я вспомнил незабвенных,
В недра *хладныя* земли
Хищной смертью заключенных...

(121, К соловью)

...Тогда в эфире мы живем
И нектар *сладостный* пием
Из полной олимпийской чаши...

(136, Послание к Дмитриеву)

Да будет год твой красной
Единым майским утром,
Которое питает
Жасмины и лилеи,
И дух их *ароматный*
В Зефирах развевает.

(83, Филлиде)

Пастух играет на свирели,
Лежа беспечно на траве;
Питаясь духом *благовонным*,
Он хвалит красоту весны.

(66, Весенняя песнь меланхолика)

...вы должны будете назвать Париж самым великолепным и самым гадким, самым *благовонным* и самым *вонючим* городом.

(I, 373; Письма русского путешественника)

Приведенное выше подразделение эпитетов на классы носит в известной степени относительный характер, ибо в практике мы постоянно встречаемся с впечатлениями слитными. Вот почему зрительные эпитеты порой могут выражать впечатления акустические, вкусовые — обонятельные и т. д., и все эпитеты перечисленных выше групп употребляются для отражения сложных впечатлений психологического плана. Человек очень редко испытывает ощущения разрозненные, поэтому образы внешнего мира, представления о нем возникают у нас обычно в потоке различных ассоциаций, и писатели, воссоздавая тот или иной образ, используют порой слова в неожиданных на первый взгляд сочетаниях, порождающих сложные образы. В литературе способы передачи сложных образов вырабатывались в процессе длительной эволюции от безразличия впечатлений к умению их сознательно разделять. Неумение различать впечатления привело к возникновению синкретических элементов. На современном этапе развития языка мы встречаемся с массой эпитетов этого типа, однако теперь уже очень трудно разобраться в их хронологии, дифференцировать эпитеты раннего образования, восходящие к физиологическому синкретизму, и эпитеты более поздние, основанные на сознательном смещении красок, на метафоризации, предполагающей сопоставление впечатлений и логическое ими управление. Эпитеты в произведениях Карамзина, принадлежат к различным разрядам, обладают большой метафоричностью и часто служат средством передачи сложных

представлений психологического порядка. Эпитеты зрительные, вкусовые, обонятельные, осязательные и слуховые порой примыкают по смыслу к наиболее многочисленной и разнообразной по своему составу группе оценочно-психологических эпитетов. Большая степень употребимости этих эпитетов соответствует психологической углубленности писателя.

Для Карамзина показательно внимание к психологической детали. «Сама языковая реформа сентиментализма, бывшая большим шагом вперед, шла по линии разработки психологизированного языка», — писал Тимофеев в работе «Реализм в русской литературе XVIII века».[4]

Наиболее характерными из оценочно-психологических эпитетов Карамзина являются следующие: *нежный, чувствительный, томный, унылый, печальный, любезный, прекрасный, приятный, горестный, несчастный, счастливый, кроткий, сердечный, прелестный, добрый, милый, жестокий, лютый, ярый, страшный, ужасный, трогательный, бедный, чудесный, гордый, юный, мрачный, умильный, добродетельный.*

С этими эпитетами в контексте сближаются по значению и эпитеты других групп. Будучи необычайно эмоциональными и совершенно отчетливо психологически окрашенными, они порой органически срастаются с эпитетами психологическими, их бывает очень трудно отделить от последних.

Обратимся к примеру:

«Уже розы и лилии на алтаре благоухали, и я приближался к оному с *прелестною* Эльвирою, с восторгом в душе, с *сладким* трепетом в сердце; уже священник готовился утвердить союз наш своим благословением — как вдруг явился незнакомец в *черной* одежде с *бледным* лицом, с *мрачным* видом; кинжал блистал в его руке. „Вероломная! — сказал он Эльвире. — Ты клялась быть вечно моею и забыла свою клятву! Я клялся любить тебя до гроба: умираю — и люблю!“ Уже кровь лилась из его сердца, он вонзил кинжал в грудь свою и пал мертвый на помост храма» (I, 677; Сиерра-Морена).

Черный, бледный, мрачный — вот эпитеты, употребленные Карамзиным в повести «Сиерра-Морена» при описании самого убийства Алонзо — возмездия за неверность Эльвиры.

Зрительные эпитеты *черный, бледный* в сочетании с оценочно-психологическим эпитетом *мрачный* служат здесь дополнительным средством характеристики душевного состояния героя, осмысливаются читателем как возбудители ряда однород-

[4] Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. Сборник статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 66.

ных представлений. Стремление Карамзина к психологизации языка в целом отражается и на эпитете, который у него обретает чрезвычайную экспрессивность и отчетливое психологическое звучание.

Эпитеты в поэтических произведениях Карамзина почти не отличаются от эпитетов, которыми автор оперирует, создавая прозаические произведения. Это вполне закономерно, ибо прозаические произведения писателя представляют собой яркие образцы психологической лирики, своеобразную поэзию в прозе. Автор переносит в прозу ту эмоциональность и психологическую углубленность, которая присуща его поэзии, а вместе с тем переносит и образный строй. Некоторые эпитеты в произведениях Карамзина прочно закрепляются за определенными словами, возникают поэтические формулы, штампы, ставшие своеобразной приметой для литературных произведений писателей сентиментального направления. Таковы сочетания: *сладкое* волнение, *сладкий* трепет, *нежная* любовь, *огненный* поцелуй, *томный* взор, *томное* сердце, *чувствительная* душа.

В произведениях Карамзина заметна целая группа эпитетов, имеющих фольклорное происхождение: *дремучие* леса, *высокие* травы, *белые* руки, *белая* грудь, *черные* тучи, *горючие* слезы, *зеленый* луг, *сырая* земля... Так, в стихотворении «Прости» Карамзин, употребляя подряд сочетания *дремучие леса* и *горючие слезы*, пишет:

Во тьме лесов *дремучих*
Я буду жизнь вести,
Лить токи слез *горючих*
Желать конца — прости.
(113, Прости)

В стихотворении «Послание к женщинам» Карамзин так определил назначение и основное содержание своего литературного творчества:

Взял в руки лист бумаги,
Чернильницу с пером,
Чтоб быть писателем, творцом,
Для вас, красавицы, приятным;
Чтоб слогом чистым, сердцу внятным
Оттенки вам изображать
Страстей счастливых и несчастных,
То кротких, то ужасных;
Чтоб вы могли сказать:
«Он, право, мил и верно переводит
Все темное в сердцах на ясный нам язык;
Слова для тонких чувств находит!»
(170, Послание к женщинам)

Контрастирующий характер изображения предметов у Карамзина («страстей *счастливых* и *несчастных*, то *кротких*, то *ужасных*») определенным образом сказывается и на подборе художественных средств. Большинство эпитетов психологических можно было бы разделить по принципу контрастности. Рядом с эпитетами *нежный, кроткий, прелестный, прекрасный, радостный* автор употребляет эпитеты, несущие противоположные представления: *страшный, ужасный, мрачный, печальный, унылый.*

Подводя итоги анализа эпитетов в произведениях Карамзина, можно сказать, что писатель внес новое в развитие эпитета — одного из наиболее выразительных средств художественного изображения, психологизировав его. Доминирующим для Карамзина является психологический тип представлений. У Карамзина мы встречаемся с более интенсивным употреблением эпитетов, нежели у представителей литературы русского классицизма, что в конечном итоге обусловлено некоторыми характерными чертами сентиментального направления.

Понимание жизни у сентименталистов и ее отражение в литературе основано на признании центром мироздания живой, чувствующей личности в ее эмоциональной, психологической сущности. Сентименталисты выступили против догматического рационализма классиков, провозгласив: «Чувство — единственная основа бытия, истины, морали».[5]

Принципы сентименталистов, утверждающие приоритет чувств, эмоций, интимных переживаний, нашли свое выражение в прозе и в поэзии. Классической поэзии с ее риторической отвлеченностью сентименталисты противопоставили поэзию «сердечного воображения», содержание которой составляют главным образом описания чувств или философское созерцание природы. «Поэзия — цветник чувствительных сердец» (251, Протей), — таков девиз Карамзина, обусловивший и весь образный строй произведений писателя, отбор художественных средств. Произведения Карамзина написаны особым поэтическим языком. Писатель стремится эмоционально воздействовать на читателя, создать у него определенное настроение. Вот откуда эта авторская ориентировка на слова особого сладостно-эмоционального характера, цель которых состоит не в уничтожении мысли, а в создании атмосферы эмоционального самоутверждения. Слово подчинено стремлению наиболее полно передать эмоциональное отношение автора к окружаю-

---

[5] Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Госиздат, Л., 1938, стр. 273.

щему, слово характеризует не столько сам предмет, сколько лирическую тему. Создавая лексику эмоционального характера, Карамзин идет по пути накопления эпитетов. Это объясняется, быть может, тем, что возможность субъективизации прилагательного, возможность придавать ему заданный смысл и оттенок, построенные на ассоциативных созвучиях этого прилагательного, очень велика по сравнению с существительным, обладающим большой предметностью.

Карамзин, а вслед за ним и другие авторы сентиментального направления, отказавшись от свойственного классицизму сухого, «разумно-понятийного» истолкования семантики слов, находят новый способ выражения своих мыслей и чувств в художественном произведении. Вот как пишет об этом Гуковский: «Слово отрывается от сферы логической прикрепленности, и рождается новая замкнутость его, новый принцип метафоризма Основа его — ощущение полисемии слова, недоступное классицизму... Мы на каждом шагу встречаемся с алогическими, *с точки зрения сумароковского классицизма, сочетаниями слов*, которые становятся возможными именно благодаря отрыву слова от своего непосредственного предметного значения».[6]

В произведениях Карамзина мы встречаем целый ряд эпитетов, основанных на метафоризации, предлагающей сравнение и логическое приравнивание разнородных на первый взгляд понятий: *бледная* осень, *бледный* ужас, *хладный* мир, *гордые* волны, *ветхая* жизнь, *хищная* смерть.

В творчестве писателей последующих поколений этот принцип метафоризации, получив дальнейшее развитие, обусловил возникновение большого количества новых эпитетов, чрезвычайно выразительных и ярких.

Эпитет, как категория образная, отражает в себе эволюцию поэтического сознания. Глубокое изучение эпитетов в творчестве писателей XVIII в. могло бы стать важной вехой на пути создания общей картины эволюции средств художественного изображения в русской литературе.

---

[6] Там же, стр. 281—282.